

СЕМЬ ПИСЕМ ИЗ МОНАСТЫРЯ

1.

Здравствуй, Л.!

Интенсивность нашей переписки возрастает не по годам, по месяцам. Мне-то понятно, время девать некуда, а вот тебе приходится отрываться от других занятий. Тем дороже твои письма.

Благодаря тебе с Валею Ч. установилась связь, и Коля И. откликнулся, чем приятно удивил меня.

В монастыре помимо многих прочих вещей я забыл и о возрасте. Мне ничто не напоминает, и я никак не ощущаю своих лет. Четвёртый десяток разменял мужик, и ни в одном глазу. Моя дорогая мамочка в этом возрасте имела меня 9-летним, в 3-й класс школы ходящим. Можно представить, какова ответственность и сколько забот. Я же, как был 9-летним оболтусом, так им и остался, только с маминых плеч перебрался на плечи игуменские.

«Сколько тебе лет, Юра? - спрашиваю я иной раз себя. - 9? 19? 31?» Полные недоумение и растерянность. Нет ничего подле меня, что бы мне указывало на возраст. В соседних келиях живут в точно таких же условиях, что и я, 40-летние седовласцы и вместе с ними 17-летние юнцы. Сам же я где обретаюсь? На какой заре своей туманной юности Олег Ф. затевал литературно-дружескую переписку? Вот и я сейчас где-то в тех же годах нахожусь. Да и глава семейства, К., как я смотрю по его письму, не намного меня взрослее.

Неужели, все мы, взрослые, такие шарлатаны? С виду серьёзные и бородатые, а внутри легкомысленнее девочек с бантиками. И играем в те же, что и дети, игры, только запутаннее и понервнее. Мальчуганом он катал в песочнике машинку, а теперь сидит за рулём настоящей машины и ездит с тем же пибиканьем только теперь уже не по песочным, а по асфальтированным дорогам. Та играла с куклами, а теперь водится с малышом, кормя, баюкая и обхаживая его. Я вот в юности баловался литературными поделками, а сейчас зовусь монастырским летописцем, занимаясь во общем-то той же литературной игрой. Там и тогда в штанишках играли, здесь и сейчас в костюмах и подрясниках играем. Те игрушки были для нас настоящими, сейчас настоящими вместо машинок стали машины, вместо кукол – дети, вместо стишков – летописи. А может и они не настоящие? А может, и не мы вовсе играем? Но – молчание, как говорил известный гоголевский персонаж по фамилии Поприщев.

Монастырская зима продолжается. Своё мнение о путешествиях я переменял. Вернее, ничего не менялось, а в прошлом письме о них, как о пустой трате времени, не я говорил, но понятно кто, моя зависть. В то время, как некоторые по Болгариям разъезжают, ты сиди здесь, в каменных стенах, а кругом снега. В подобных чувствах можно и не такое написать.

Инстинкт самосохранения во мне настолько возрос, что я боюсь теперь не только видимых, но и невидимых вещей, причём последних даже более. Помнишь, показывали по телевизору американский фильм «The Ghost». Там действовали полу-духи, то есть души умерших людей. Но есть ещё духи в чистом, так сказать, виде – ангелы и бесы. Как ты относишься к версии их существования?

Ну вот, я опять взялся за твою обработку. Ты смотри, не поддавайся.

Привет О. и маме. Пиши.

Ю. (крест и круг, наконец-то расшифровался мой инициал).

2.

Любезная В.!

Письмо моё будет из пунктов.

1. О переписке. Вести таковую есть благословение у каждого насельника нашего монастыря от трудника до монаха. И что он там в своих письмах пишет, это дело его совести. Точно так, как о том, что он думает, делает, желает духовник не спрашивает его, не спрашивает и о том, что он в письмах пишет. Оно и понятно. На месте духовника я бы не только ничего лишнего не спрашивал, но тут же старался бы забыть сказанное без принуждения: такое на исповедах можно услышать...

В 19-ом веке, как я где-то читал, письма в монастырях просматривались. Но где он сейчас, этот 19-й век? Вся ли его скверна омыта кровью 20-го? Человек сам не говорит, кто его кроме Господа спросит?

Однажды, я обратился к духовнику, что мне ответить. Но то было дело, так сказать, политическое, потому что касалось церковных модернистов.

2. Сколько бы мнений и суждений о монастырской жизни не было, все они – верны. Лучше сказать, собери все таковые суждения, в том числе исключаящие друг друга, вместе, тогда они и составят подлинное о монастыре суждение. У меня у самого сегодня одно суждение, а на завтра другое. Сегодня у меня: «Монастырь это тот же мир, и зачем я, дурень, пришёл в этот гадюшник!», а завтра: «Слава Тебе, Господи! И за какие заслуги Ты привёл меня сюда, к Себе поближе?»

Суждений – тысячи, жизнь – одна. Вот как я её проживу, таково и будет моё суждение и о мире, и о монастыре, и о любви, и о всём-всём.

3. После вечерней службы, после молитвы у раки с мощами преподобных по заведённому порядку братия обходят друг друга и, кланяясь, просят прощения. (В прощённое воскресенье это делалось с земными, т.е. в ноги поклонами.) Так вот, в начале своего монастырского пребывания я не понимал, почему я должен говорить «прости» тем, с кем не только не говорил, но даже не виделся и не думал о них в этот день. За что прости? Потом дошло: просто за то, что я живу.

Ты просишь моего прощения? Так вот, ещё год назад я подумал бы: кривляется. И охота ей комедию ломать: за что прости? За какое такое «вторжение», как ты говоришь, если я сам первый написал письмо. Теперь же доходит, что если бы я и не написал, то всё одно бы вторгся, вернее, пребывал бы вторгнутым в твою жизнь уже самым фактом своего существования. Из 250-ти миллионов (или сколько нас жителей бывшей страны СССР?) каждый вторгнут в жизнь каждого, даже если о том совершенно ничего не знает.

«Бог простит, меня прости», - обычный монастырский ответ.

4. Кто меня держит в монастыре? Духовник что ли? Кто не даёт жить теми мирскими радостями, которыми живут все нормальные люди: еда, выпивка, кино, постель? Любовь к Богу? Но согласись с тем, что любовь это всегда – выбор. А отказать одному и предпочесть другое, т.е. возненавидеть мир и возлюбить Бога – это значит обидеть и огорчить первое. Какое там счастье в любви, она – болезнь, разрыв и преодоление. Выбор прост в математике: 5 в два раза больше 10, выбираю 10. Но это не любовь, это расчёт. А любовь? Ничего не знаю про неё, зато знаю точно, что я болен. Болезнь моя – привязанность к удовольствиям. Она-то и держит меня в монастыре. Как переломанная нога не даёт человеку играть и веселиться, а если

он делает это, то страшно смотреть, как уродливо и безобразно это у него выходит, так переломанная душа не даёт мне мирского веселия. У всех у нас переломанные души, но все свыклись и не замечают этого. Если все вокруг калеки, все хромают, то поневоле сочтёшь такое состояние нормальным. На самом же деле оно ненормальное, и Господь открывает глаза пытающимся их открыть.

Человек в миру не видит своей болезни, не видит, что живёт он по страстям, что не он проживает жизнь, но они, страсти, проживают, прожигают его. В монастыре это видно чётко. А то, что я каждую мысль, не то чтобы письма, не несу к духовнику, значит, не очень-то хочу исцелиться. Значит, болеть мне долго.

5. Тебя удивило, что я написал, что своими письмами делюсь радостью, тогда как тебе они показались развлечением от монастырского однообразия? Так я же подчеркнул, что радость, которой я в них делюсь, эгоистична. Т.е. я не потому ей делюсь, что кому-то её не достаёт, а потому, что у меня её – избыток.

С сим и остаюсь твоим богомольцем, Ю.

P.S. Пишу от руки, п.ч. пишушую машинку запретили: великий пост.

3.

Здравствуй, дорогой К.!

Очень был удивлён твоему письму. Как это ты решился? И время выкроил? Это у меня его невпроворот, тебе же дай 25-ть часов в сутки, и тех, наверное, хватать не будет. Тем ценнее твоё письмо.

Про своё время пишу безо всякой иронии. Представь себе: телевизора нет, газет нет, жены и детей нет, транспорта нет, ехать никуда не нужно. О еде и одежде забот абсолютно никаких, пошёл по расписанию, поел. Есть только 1,5 часа службы утром и около 4-х часов вечером. Ну, и печки. А они что? Забросал дров, поджёт, они и горят, топятся. Трудовой профилакторий. А ты как себе представлял монастырь? Суровые бородатые монахи ходят строем под колокольный звон? Редька, квас и поклоны? Может это и было когда-то, нынче же, в конце второго тысячелетия воины Христовы представляют из себя душевно покалеченных и психически травмированных людей, нашедших тихое пристанище от житейских бурь в стенах обители.

Н.В. Имею в виду исключительно себя, о других не пишу. Но я, как крошечное зеркало мировых процессов. С Л.Н.Толстым себя не сравниваю, но с зеркалом-то можно себя сравнить.

Кем покалеченных? Злыми духами. Да, Коля, наша жизнь это полигон, поле брани тёмных и светлых сил. Как там, у Фёдора Михайловича? Дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей. И вот борется этот самый дьявол с нами только, осмелюсь поправить Ф.М-ча, не в сердцах, а в умах людей. С высоты всего-то годового проживания в монастыре, т.е. проживания без телевизора, жены, газет и прочих рассеивающих внимание вещей, проживания наедине с собою (а церковные службы только помогают пробуждению глубоко спящего внутреннего ока) говорю, что здесь Ф.М-ч не прав.

Сердце человека целиком в руках Божиих, а дьявол если и имеет туда доступ, то только через его разум. Есть такая книга Псалтирь, в ней псалом 48-ой, в нём стих: *Поучение сердца моего разум*. Это значит, что та только мысль достигает сердца и овладевает им, которая была принята и одобрена разумом. Вот, допустим, пришёл мне в голову блудный помысл. Откуда пришёл? Известно откуда, от лукавого. И если я начну его рассматривать, обсуждать и

обдумывать, глядишь, он уже и на пути к сердцу. А войдя в сердце, уже овладевает всем человеческим существом. Если же я воспротивлюсь ему и начну борьбу, то через некоторое время с Божией помощью одолею эту тяжесть и вздохну свободно.

Такова механика борьбы. Такова наша жизнь. И наша, монастырская, и ваша, мирская. Пришла в голову какая-то гадость или злоба, или похабщина – гоню её прочь. Только надо быть внимательным к себе и своим мыслям, и тогда понемногу очищается голова, а за ней тянется и сердце. Это курс моего лечения, а Главным Врачом, под наблюдением Которого оно проходит – Святой Дух. Изгоняются из головы вздор и суета, а выметенные от всех этих мыслей, мыслишек и мыслинок места занимают покой и созерцание. Красота! Стоишь себе или лежишь, и не о чём не думаешь. Юра – полено. Иисус Христос – плотник. Пусть строгают.

С пожеланиями здоровья и благополучия, Ю.

4.

Здравствуйте, дорогие Л. и Н.!

Стоило мне пожаловаться А.С., что от вас нет писем, как оно тут же приходит, ваше письмо.

А.С. мне сообщил, что вы ждёте ребёнка. Трёх вещей я не понимаю вовсе, а от четвёртой мой ум бьётся в ужасе. 1-ая – это жизнь внутри меня, 2-ая – это жизнь вокруг меня, а 4-ая – это рождение другой жизни, как сказал бы премудрый Сирах, сын Иисусов, я же сбился со счёта. А если серьёзно, без писательства, то я и понимать уже ничего не хочу. С широко раскрытыми ртом и глазами я смотрю, как всё, что бы не происходило, и всё, что не происходит – всё делается по Божьей воле. Чего же, спрашивается, тут ещё понимать? По десятку раз на дню говорить и слышать: *Отче наш, да будет воля Твоя*, и иметь не одну сотню таких, прожитых во Его воле дней (здесь я имею в виду монастырскую свою жизнь, но м.б. я опять ошибаюсь в расчётах, может ни одного такого дня и не было), о чём, спрашивается, мне ещё задумываться? Н., Л., дай вам Бог здорового, розовощёкого потомка!

Писательство же точит меня, как моль, как червь. Не могу по-человечески высказать своих чувств, уже и в письмах сочинения сочиняю.

Сообщил А.С. и о своей намечающейся женитьбе путанным, взволнованным языком: хорошо бы, да если бы, но невозможное человекам возможно Богу, огромная ответственность и т.д. Но чего волноваться? Известно, как устраиваются земные наши дела – сами собой, если на такое их устройство поступило распоряжение с небесного верху. Главное, чтобы костюмчик сидел.

Виталий прислал открыточку на Рождество, я ответил, и с тех пор от него ни гу-гу.

У нас всю морозы. Эта зима, пожалуй, раза в два холоднее прошлой, и в два раза бесснежней. Была ли хоть однажды оттепель в этом году? Не припомню, а той зимой только и делало, что капало с крыш. Весна, март приближаются, а печки кочегарить по полной программе приходится, и конца не видать.

Желаю тебе, Н., пребывать в спокойной сосредоточенности. В тебе такое сейчас творится. Надо, чтобы оно творилось во благочинии. Ожидающей же Л. участи: тревогам, хлопотам, заботам – не завидую. Помогай Бог!

Ваш Ю.

5.

Здравствуй, Л.!

На твоё девически задорное письмо не могу по-стариковски не надуться. Воскресение Христово для тебя легенда. Но ради этой легенды я в монастыре и живу. А ты думаешь, зачем я здесь встаю в пол-6-го, простаиваю часами в церкви, тружусь истопником, когда бы мог, лёжа в горячей ванне, кушать бутерброды с колбасой? Из энтузиазма? Из прекрасного молодого порыва: надоела эта жизнь, подавай мне новую? Как комсомольцы первых пятилеток ехали возводить Магнитку и ДнепрогЭС, так и я приехал в монастырь?

Ну, почти что так, с той только разницей, что комсомольцы дальше своего пятилетнего плана ничего не видели, я же норовлю заглянуть в те самые вечность и бесконечность, которые, как ты пишешь, уму непостижимы.

И вот, вжился я в эту легенду, вернее будет сказать, Господь меня вживил в неё, и теперь стала она для меня такой же реальностью, как для тебя реален город К-ск. Скажу более, для меня весь мир с его Москвой, К-ском и прочим иллюзорнее и абстрактнее этой легенды. О том, что Христос воскрес! я слышу десятки раз на дню, а о том, что существует К-ск, я знаю только из редких писем. Так что для меня реальнее?

А ты сама, думаешь, в реальности живёшь? Ну да, в реальности, только в какой? В той, что тебе сообщают телевизор, газеты, уши, глаза... Извини, я не хочу обижать твоих чувств, но, по-моему, это – легенда. Почему ты решила, что мир, в котором ты живёшь невыдуман и нелегандарен? Ты можешь это доказать? У каждого человека своё мнение и представление о мире. У богатого оно одно, у нищего другое, у американца своё, у русского своё, у неверующего такое, у верующего совсем иное. Сколько людей не возьми, столько будет и мнений. Или ты исходишь из своих ощущений, физических законов, да? Но ведь и физические характеристики у разных людей разные. Один видит лучше, другой хуже, а кроме человека есть тысячи других живых существ, все они чувствуют, видят, слышат по-разному. Что для одних реальность, например, ультразвук для летучих мышей, для других легенда. Почему же ты думаешь, что твоё представление о мире реально? Оно так же реально, как реальные миллионы, миллиарды других представлений, вернее сказать, также иллюзорно.

Но почему для меня Христос воскрес! а для тебя нет? Потому, повторяю, что Христос Сам мне это открыл. За что? Не знаю. Может, чтобы утешить меня, так старательно искавшего смысл (истинность, нелегандарность) в том, таком для тебя реальном мире, и не крупички необретшего и готового было разреветься от его бессмысленности. Ну живёшь, ну ешь, ну спишь, ну работаешь, ну отдыхаешь... а дальше, дальше-то что? После глупой жизни глупая смерть? Так зачем, спрашивается, всё это было нужно? Где смысл в этой затее под названием жизнь? Он в том, чтобы работать, есть, спать, отдыхать...? Но ведь всё это не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, не послезавтра, так через год, через десяток лет, но всё равно кончится вместе с моей кончиной.

Так что же это за реальность? Это кусочек, фрагмент её, столько же говорящий об истинной реальности, сколько фотографический снимок о 24-часовом дне. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Но что можно узнать из фотографии о жизни? Что это за реальность, которая ограничена? Что это за вселенная, которая имеет предел? Что это за бог, который познаваем? Поэтому трудно назвать человеческую жизнь, которая длится 70-80 лет, реальностью. Она – пар над землей, да и сама земля – пар, а реальной может быть только жизнь вечная, бесконечная. А этого, как ты сама пишешь, умом не понять, в это можно только верить.

Теперь о множестве религий. Не понимаю, почему оно однозначно говорит не в пользу религий? Наличие христианства говорит не в пользу иудаизма, наличие православия не в пользу католичества, но почему они все, т.е. их множество отрицают религию вообще?

Была у нас одна «религия», одна идеология, одна партия. Вот эта затея, действительно, говорила не в пользу любой идеи, говорила об её надуманности. На земле множество государств различных форм правления. О чём это говорит? О том, что такое устройство как государство необходимо в жизни каждого народа. Возможно ли одно государство на всей земле? Дело, в общем, к этому и идёт, но в таком случае не нужен будет ни правитель, ни армия, ни чиновничьи институты... При единственном мировом порядке на земле откроется ненужность государственной машины в нынешнем её виде. Тогда государство из вещи жизненно насущной превратится в идеологию, а носители этой идеи должны будут выдумать для оправдания своего существования какие-то основания. Но тогда контроль над человеком перестанет быть человеческим. Государство перестанет служить человеку и обратится против него.

Множество религиозных конфессий (козырну-таки словцом) доказывает, что религия не выдумка человеческая (как КПСС, или как грядущее единственное государство с единственной религией на всей земле), а что, действительно, «где-то что-то есть», и разные люди по-разному к нему стремятся. Ты через суеверия, я через монастырь.

Про театральность. Давно известно, что наша жизнь – театр. Только в миру люди играют и думают, что они сами себе режиссёры, не подозревая, что роли за них расписаны и сцены все распределены. Человек включает телевизор, дай, думает, посмотрю. Он ошибается, не он будет смотреть телевизор, а телевизор его. Он ест и думает: я ем. Он слеп, это еда поедает, поглощает его. Он ложится спать. Наивный, он не подозревает, что это не он ложится, а сон укладывает его. Если бы он сам ложился, то ложился бы, когда хотел и на сколько захотел. Сегодня спать не буду, посплю завтра. Кто такое может сказать? Разве только Феликс Дзержинский. Ну, так он же был «железный». Человек думает, что выполняет работу, а на самом деле это работа выполняет его. Он говорит: я живу жизнь! Какой самообман: это жизнь проживает, умерщвляет его.

Ради чего человек живёт в миру? Ради удовольствия: вкусной пищи, теплой одежды, мягкой постели, телесной близости и т.д. Он только думает, что живёт ради себя, на самом деле, он живёт ради всех этих вещей. Так ведь? А поскольку все они, эти вещи, кончаются или умирают, то ради чего человек живёт в миру? Ради смерти.

И в монастыре человек ест, спит и работает. Но старается это делать не ради своего удовольствия, а ради Бога, Который Бессмертен. Так ради чего человек живёт в монастыре? Ради жизни.

И я не мню себя свободным, я знаю, что я – раб. Но только не тленных вещей и страстных переживаний, я раб Христа Бога, и говорю: Господи, т.е. Господин мой, Иисусе Христе, Сыне Божий, имиже веси судьбами спаси мя, недостойного раба Своего. Имиже веси судьбами, значит, дай мне роль, какую Сам знаешь. Спаси, значит, избави от смерти, дай мне вечную жизнь, какую имеешь Сам, и проживи меня, тогда, стало быть, и я проживусь, приживусь в Тебе.

Что можно просить от земной жизни? Минутных наслаждений? Они придут и уйдут. А всю жизнь на них работай? А потом для них же и помирай? Зачем мне это надо, когда я могу жить вечно, Христос ведь воскрес! Мой Господин воскрес, и меня, Своего раба, не забудет.

Нет, Лия не верит этим легендам. Он пишет это из зависти или каких-то своих заморочек. Она доверяет только себе. Ну, правильно, кому же ещё доверять? Только скажи мне, Лия, почему ты знаешь, что есть страна Чили? Ты ведь не видела её, не бывала в ней. Потому что тебе сказали об этом книги, географическая карта, телевизор.

Почему я невидевший, неиспытанный вечной, или, как ещё её страшно называют, загробной жизни, знаю, что она есть? Потому что мне сказало об этом Евангелие. У тебя есть основания доверять телевизору. У меня есть основания доверять Евангелию. А без веры жизнь невозможна. Просто вера в Бога разменялась верой в науку и телевизор, но нет уже доверия ни им, ни людям – вот и весь 20-й век.

Что же касается моей монастырской жизни, то она тиха и покойна, как... Сравнение, если хочешь, подбери сама: с недавнего времени я перестал любить сравнения. Представь себе человека, у которого совершенно нет забот ни об еде, ни об одежде, ни о работе. Меня и разбудят, и накормят, и работу дадут, и всё это в радиусе 200 метров от моей койки. Монастырская жизнь внешне неизменная и однообразная чрезвычайно ускоряет жизнь внутреннюю. Может поэтому в таком безопаснейшем месте, как каменные монастырские стены, возрастает инстинкт самосохранения, и в такой безмятежности особо остро ощущаешь, что случится-то со мной и со всеми нами может всё, что угодно. Может наводнение на море подняться, может солнце перестать светить. Ты скажешь: это уж слишком, чтобы солнце не светило? А почему нет? Почему оно должно светить? Надоест ему светить и перестанет. Ведь ему за его светящую работу никто не платит, и не должно оно постоянно светить, и перестанет. И что тогда? Возле какого костра или какой печки согреешься в наступивший двухсотградусный мороз?

А может быть ещё проще. Я могу уснуть и не проснуться. Лечь на ночь, а не встать вообще. Может же такое быть? А почему нет? Меня ведь никто не спрашивал, хочу ли я родиться, и в какое время мне это будет удобней? Так и со смертью, придёт и не спросит: когда? Почему ей должно дожидаться какого-то срока, 70-80-ти лет? В общем, всё что угодно может быть.

Как же мне жить и что делать в условиях такой нестабильности? Да и что я могу сделать, если погаснет солнце или придёт смерть? Ничего. Хотя нет, кое-что всё же могу, и почему бы не попробовать это сделать? Что? Что можешь? Говори скорее. Да просто, попросить их не гаснуть и не приходить. Но разве они, бездушные и бессловесные, могут что-либо услышать и понять? Они, конечно, не услышат, услышит Бог, их и мой Создатель, Творец всего видимого и невидимого.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго. Чем осмысленнее и чаще я это говорю, тем скорее и охотнее меня слышат. Помилуй, т.е. прошу Тебя, пусть всегда будет солнце. Помилуй, пусть всегда буду я.

Про людей, которые меня окружают, я писать не могу, поскольку это значило бы давать им оценки. Но кто я такой, чтобы давать оценки? Я могу судить о погоде и о супе, поскольку они для меня, могу судить о литературе, имея основанием свой институтский диплом, но о людях не сужу, затем что к ним принадлежу. Так сохраннее и спокойней. Ты видишь, о каком самосохранении я пекусь? О душевном. А ты о каких опасностях моей жизни думала, когда я это слово в предыдущем письме употребил? Поди, думала, что я бьюсь за кусок рыбы с белыми медведями и монастырскими братьями? Я лишь улыбаюсь и нисколько не смеюсь, и не сужу тебя нисколько, но если всё же попадутся в моём письме слова ухмылки и превосходства – выбрось его вон.

Однако, зачем столько патетики и умствований в обыкновенном письме? Затем, что не могу же я так просто сказать: сестрица Лия! Не пей из этой мутной лужи газетно-телевизионной информации, козочкой станешь, с рожками, копытцами и хвостом. Приди и почерпни от Источника живой воды – Христа Бога и Его Церкви. Ведь ты мне не веришь. И правильно делаешь. Вот я и пытаюсь представить хоть какие-нибудь доказательства, хоть на два листа пролить словесной воды. Воды-то точно, но насколько живой?

А вообще, я хотел бы писать про чаек и про море. Но это на пятом предложении надоедает. Залив на днях растаял, а чайки прилетели на другой день после Благовещения. На деревьях нет ни листочка. Весна где-то задерживается, может в Сибири?

А про инициал, который я в прошлом письме изобразил, ты говоришь, что, если его развернуть, то получится знак Венеры. Но сама видишь, что вертеть его для того, у кого и так всё в голове перевернуто, значило бы окончательно сбить его с толку. Я всего лишь хотел к безначальному и бесконечному кругу прилепиться крестиком.

Привет маме и О. Какие у вас планы на лето? А Коля свои письма не рукой пишет, а компьютером дизайнует.

С пожеланиями здоровья, веселия и долголетия, остаюсь вашим богомольцем, Ю.

6.

Здравствуй, В.!

После Пасхи начались серьёзные разговорные дела, никак не мог собраться с ответом. То каши с маслом объемя, то стряпни с молоком, то вздремнуть приляжешь минут на 15-ть, а выходит все три часа. Службы в пасхальную седмицу: пара часов утром и полтора часа вечером, и ни одного слова не читается, всё поётся. Вот, где праздник так праздник – Пасха в монастыре!

Радостно слышать, что мои послания тебя поддерживают. Стало быть, и я держусь этим поддержанием. «Я хотела бы знать», - заканчивается твоя поздравительная открытка. И это дело хорошее – знать, но ведь за всякое знание приходится платить. Специалисты расплачиваются за свои знания 5-летним сидением в вузах, хозяйка Медной горы за кое-какие секреты много лет продержала у себя Данилу-мастера, ты вот ездила в Лавру за знанием. Узнала, и что? Лучше тебе стало? За знание надо платить исполнением того, что знаешь. С незнающего какой спрос? Хотя незнание закона не освобождает от ответственности, но значительно смягчает её. *Той же раб ведевый волю господина своего, и не уготовав, ни сотворив воли его, биен будет много* (Лк.12:47).

Похоже, что истина для тебя это какая-то догма, какое-то учение, которое можно одному записать, а другому, прочитавши усвоить. Но такой истины не бывает. Что есть истина? – вопрошал Пилат. Аз есмь истина – ответил всем нам Господь. Пилат искал истины во «что», в словесных установлениях, в готовых ответах, как древние евреи в соблюдении буквы закона и как советские люди в выдуманной схеме, тогда как истина есть Кто. Богочеловек есть истина, а вместе с Ним, каждый человек, следующий Ему. Не только Его слову и учению, но Его жизни своей жизнью следующий. Книги не научают истине, и такой головной истины не существует, поскольку она есть живая Кто, а не мертвая «что».

Чему же может научить Шпенглер? Кстати, я его не читал, но подобных ему Фрезера, Леви-Стросса и пр., которых вспоминать не хочется, перечитал довольно. Все такие книжечки я бы назвал мишурой, если бы они были безобидны. Но чем вредны эти теоретические

построения, эти красивые достоверные факты, это умелое их расположение? Да тем, что отвлекают от Истины. Читатель таких книг жертвует своим временем, своими головой и силами для изучения их, и вместо правды занимается ложью, вместо того, чтобы жить жизнью, человек живёт пустотой. Такие книжечки прельщают, т.е. обманывают.

Для вечной жизни, скажи, чем пригоден этот Шпенглер? На Страшном Суде о чём меня спросят: о типах культуры или о том, как я свою жизнь прожил? Истины нет вне нравственности. Математические формулы, физические законы, исторические исследования, научные открытия и художественные озарения истинны настолько, насколько они нравственны. Но сколько нравственности в формуле $E=mc^2$ или в книге «Закат Европы»? Вот столько же в них и истинности. Впрочем, какие-то крупинки правды в них, конечно, водятся, иначе они были бы просто бессмысленным, ничего не значащим набором букв и цифр. Но жизнь-то наша вся выражена одним-единственным Законом, сформулированным святым Иоанном Богословом, и звучит он так: Бог есть любовь. Ну, и сколько этого Закона в книге «Закат Европы»? Хорошо, если несколько крох. Так чему же она учит?

Потратить неделю на её чтение, и ещё больше времени на размышления и воспоминания о ней, а в итоге приблизиться к Истине на один миллиметр? Потому что вместо Господа приходится думать о Шпенглере, вместо славословия Творцу, восторгаться тварью. А Царство-то Небесное, куда, если при жизни не нашёл дороги, как найдёшь её после смерти? – чьё оно? Шпенглера?

В миру каждый считает себя носителем истины. Что не писатель, то светоч, что не учёный, то первооткрыватель. А что открывать-то? Всё давным-давно открыто, и всё уже сказано для нас, человек, и кем? Самим Богом. А всё светское – от человеческой фантазии, от домыслов и комплексов автора, от того, кто всех перекричит и перещеголяет, от лукавого, одним словом. В церкви же Истина – Христос, и всё вне Него лежащее, отмечается.

С пожеланиями Божьей помощи в уразумении Истины, остаюсь твоим богомольцем, Ю.

7.

Здравствуй, К.!

Второе письмо пишу сегодня на прихлынувшей эпистолярной волне. Первое отписал нашему другу А.К. в Мичуринец. Всё-таки удивительно, что у нас ещё находится, о чём писать друг другу.

Вот что мне можно ответить на твоё письмо? Можно ли вообще отвечать на письма? «Верно, мы все разговариваем сами с собой», - пишешь ты. Целиком и полностью с тобой согласен. Недавно до меня дошло, что многие из моих писем это исповеди, только словесно обставленные. Мне бы их духовнику перед аналоем с Евангелием и крестом, а я их запечатываю в конверты. Зачем? Затем, что духовнику надо покаяние в чистом, так сказать, виде, а мне нужны слушатели, как талантам поклонники. Да и тяжело оно, и горько покаяние в чистом виде. Вот и занимаемся мы словесным подслащиванием, игрой. Ну, хоть так... И ещё недавно выяснилось, что покаяние это слово греческое, и означает оно перемену ума.

Так как же мы, говорящие и слушающие исключительно себя, общаемся? «Господь помогает». И здесь я всецело на твоей стороне. Может, даже это Он через нас Сам с Собой общается? Нет, это я, пожалуй, хватил. В миру я бы мог пофилософствовать в таком тоне и духе, но в монастыре воспитание жизнью идёт строже. Здесь отчётливо видишь своё человеческое ничтожество и окаянство. Что Ему, Безначальному и Бесконечному, перед

Которым и небо нечисто, до нас, человеков? Так, какое-то суетное недоразумение. Поэтому сказать, что Бог через нас, людей, с Собой разговаривает, у меня язык не поворачивается.

Однако, не побрезговал Он нашей плотью, оделся в неё, сошёл на землю, чтобы помочь нам общаться прежде с Собой, т.е. Своим созданиям с своим Создателем, а потом уже и между собой, как у кого получится. Вернее будет сказать, не помочь нашему общению, а восстановить его. Ибо были мы когда-то жителями Его Божественного рая, но за послушание лишились его. Хотя изгнав нас, лукавых и своевольных, Господь не отказался от Своего Отцовства и, стало быть, нашему Ему сыновства. Он сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк.17:21).

Нет, Коля, в нашей жизни счастья, если ищем мы его на серой и сырой земле. Само слово «счастье», с-частье говорит о какой-то части. Откуда, от чего она? От Бога. Конечно, и земля от Бога, но она под нами, ниже нас, мы ходим по ней. Так, неужели, нам, носящим в себе Его образ и подобие, искать смысл и счастье в земле? Коммунистический рай, капиталистический рай, семейный рай... Всё это мы проходили. Один у нас рай, Коля, – на Небе. И в душе. *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф.7:33). А где его искать? См. выше Лк.17:21.

Ты веришь, что не мы создали Бога, а Он нас? Что Ветхий и Новый Заветы не людьми писаны, но Богом? Т.е. посредством людей и для людей, но Богом? Что это не книги, не людские заморочки, не теории с идеями, не словеса лукавствия, как наши литературные упражнения, а именно Божественное Откровение? Ты веришь, что Христос это Слово, принявшее на Себя плоть?

Верующему жить много проще. Пошёл в церковь к Нему, Богу-Слову, исповедался, рассказал, что на душе, ведь не священнику я исповедуюсь, а Христу, и причастился. Слышишь опять этот корень? При-частился, т.е. принял часть от Господа в своё тело Его Тело, в свою жизнь Его жизнь. И жизнь (не внешняя, внутренняя!) легчает.

Неверующему сложнее: надо думать, думать, думать... С кем бьётся неверующий человек? С обстоятельствами? Увы, сам с собой. Что толку менять обстоятельства? Изменишь эти, будут другие, ещё более обстоятельные обстоятельства. Господь не виноват в наших человеческих мучениях. Мы сами опустошаем и отравляем наши жизни, поскольку сами отворачиваемся от Него.

«Чем мы ближе с собой, тем понятнее другим». А вот здесь я с тобой не соглашусь. Чем мы ближе к Богу, тем понятнее другим, поскольку только через Него идёт наше общение, поскольку только Он наполняет смыслом жизнь. А чем ближе к себе, тем запутаннее и замороченнее мы в своей самости и оригинальности. Вот я, например, крайне бесчувственен и самонадеян. Вместо того, чтобы поздравить тебя со специальным призом за дизайн, учу жизни. «Да пошёл ты, Юра, со своими Лк. и Мф.», - если ты этого не скажешь, то я сам скажу это за тебя.

Поклон семье. Восприми эти слова буквально. Десятки раз на дню я кланяюсь Богу. Почему я не могу поклониться вам раз в году?

С пожеланиями здоровья и благополучия, Ю.